

ЯД НОЧИ

Алиса Джукич

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д42

Редактор серии *Светлана Ленкова*

Художественное оформление серии *Александра Андреева*

Разработка оригинал-макета *Игоря Пинчука*

Иллюстрации на переплете,
вклейках и открытке *Digital Wizards*

Внутренние иллюстрации *Екатерины Тёриной*

Джукич, Алиса Владиславовна.

Д42 Яд ночи / Алиса Джукич. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-232423-9

После череды предательств и потерь Аллекса Коллинз ищет спасения в тихом канадском городке Голден. Здесь ее ждет не только новое начало, но и столкновение с вековым проклятием, которое уже много лет питается чужими жизнями. Судьба Аллексы переплетается с судьбой Кристиана Кэмбэлла — загадочного вампира, чье мертвое сердце истерзано призраком прошлого, пугающе похожим на нее саму.

Когда город захлестывает волна жестоких убийств, Аллекса оказывается в самом центре интриг. Обретя дар медиума, она начинает слышать тех, кто не нашел покоя, и становится ключевой фигурой в игре, где бессмертие, власть и смерть сплетаются в единый узел.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алиса Джукич, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-232423-9

Посвящается всем, кто отпустил прошлое...

Он — вампир с разбитым сердцем...

Она — его худшее творение...

1 октября 1835 года

Нет ничего хуже едкого запаха паленой плоти и обугливающих костей. Он как липкий пепел оседает на языке тошнотворно-приторным привкусом, заставляя судорожно кашлять, скрести ногтями глотку и задыхаться, лишь бы избавиться от заполнившего легкие смрада.

Огонь...

В тот злополучный день его было слишком много. Точно смертельное зарево, заливающее порочной кровью чистоту небосвода, он распространялся оранжевым флером по округе, уничтожая «пламенной рукой» все, чего успевал коснуться.

Через небольшой городок гордо двигалась стройная девушка. Пламя тянулось за ней дымным шлейфом, но оранжевый хищник не обжигал точеных

форм, не трогал копну каштановых волос, он благоволил своей хозяйке.

Она легко вспорхнула на перекинутый через узкий канал арочный мост. Бледные руки девушки изящно легли на деревянные перила. Она точно наслаждалась вопиющим танго огненных всполохов на расвете и разлитой вокруг крови, ставившим под угрозу главную тайну моей семьи.

Разбегающиеся от охватившего местность пожара людишки пронзительно кричали, падали на землю, катались в пыли и грязи, желая приглушить боль от ожогов. А я пробивался к мостику через разъяренную толпу и бушевавшее пламя, выжигающее черные дыры в осенней траве.

Вспыхнувшая повозка преградила мне путь, заставив остановиться в трех метрах от намеченной цели. До боли знакомые зеленые глаза пронзили меня презрительным взглядом. Я едва не отшатнулся, столкнувшись со столь неприкрытой ненавистью, поселившейся в этих глубоких малахитах.

Я заслужил...

Но остальные...

Люди заживо сгорали, содрогаясь в агонии, кто-то из последних сил полз к реке, раздирая ногтями горло, пока я медлил и не решался остановить это безумство.

Следом за мной в захудалый городок на окраине Канады мстительной тенью ворвались еще два чудовища. Нет, они пришли не помогать несчастным, они явились исправлять ошибки, выкорчевывать прошлое...

Наплевав на подкрадывающуюся со всех сторон угрозу, двинулся дальше. Пространство затянуло плотными клубами гари, я запнулся о корягу и повалился на труп старика в драной рубаше.

Ослабленное тело еще не восстановилось после яда, но я не уступал соблазну пополнить резервы крови, понимая, что время на исходе. Прикусив щеку и тем самым приглушив жажду, я встал и сделал пару шатких шагов.

Мертвое сердце ныло, точно его зажали в невидимые тиски. За многовековое существование в замкнутости и одиночестве я и позабыл о чувствах. Однако в то роковое мгновение меня оглушала мучительная боль, рвало на части предательство и угнетала обида.

Я будто снова стал настоящим... Выбрался из оков холодного бессмертия.

— Уходи! — хрипло выкрикнул я стройному силуэту на мосту. Меня ответно оглушили визги ужаса, грохот рушившихся домов и рев пламени. Острота нашего слуха и зрения преобладала над человеческими, и мы оба знали, что все предрешено, поэтому девушка даже не дернулась.

Виолетта здесь...

— Нет! — мелодия гóлоса той, которая беспощадно растоптала меня, зазвенела в барабанных перепонках ледяной сталью, а потом она обрушила следующий губительный удар:

— Я хочу, чтобы ты страдал, Кристиан...

Больше девушка ничего не сказала. Позади нее на мосту возник темный силуэт. Женственный и утонченный, обманчиво хрупкий. Тонкие руки схватили горло девушки, но она даже не дернулась, только крепко зажмурилась. А потом ее убийца неестественно сильно дернул вверх.

Раздался противный скрежет и треск костей, вышибая почву из-под моих ног. Крик ободрал горло, а заострившиеся клыки прорезали нижнюю губу.

Я хотел рвануть на мост, чтобы помешать Виолетте расправиться с учинившей беспорядок жертвой, но статуей прирос к обгорелой земле, не в силах сбросить обвивший позвоночник приказ «древнего» не шевелиться.

Глухой удар тела о землю соединился с хлюпающим звуком покотившейся по пыльной дорожке головы прекрасной девушки.

Широко распахнутые глаза смотрели не моргая, а потемневшая после перевоплощения кровь из обрубка шеи заливала мои ботинки.

— *Omnes animae tempore redimentur*¹, — поучительно бросила Виолетта, прежде чем скрыться за стеной огня. Ее непоколебимое влияние погасло, разнесшись по телу приятной волной, и я рухнул на колени, желая, подобно бушевавшему вокруг пожару, бестелесным дымом вознестись к небесам.

¹ *Omnes animae tempore redimentur* — «Все души будут искуплены со временем». (Перевод с латинского).

Глава 1

Аллекса

ГОЛДЕН

Наши дни

Скуливший в коридоре больницы Сиэтла сквозняк играл холодом в моих темных, с осветленными прядями волосах, а тиканье круглых часов над головой действовало на нервы и будоражило воображение. Мерещилось, что в подобных местах, обреченных на ожесточенное сражение смерти и жизни, время отсчитывало остаток коротких дней больных, а врачи всеми силами пытались украсть у этого безжалостного жнеца каждую секунду для тяжелых пациентов.

Переминаясь с ноги на ногу, я стояла возле автомата с кофе. Мелкими глотками домучивая горький растворимый напиток, морщилась и болтала его в пластиковом стакане, как будто так он бы стал вкуснее.

— Да. Это нам не Monorail Espresso¹, — устало подметила мама и любяще потрепала меня по плечу, сдвинув тонкую лямку джинсового сарафана.

За год, проведенный в больнице, роскошная жена владельца аналитической фирмы MaStar Кол-

¹ Сеть лучших кофеен в Сиэтле.

линз превратилась в загнанную тяжелой судьбой женщину: осунулась, ее загорелая кожа и длинные русые волосы потеряли лоск, а когда-то ухоженное до идеала лицо-сердечко теперь украшали «гусиные лапки» в уголках серых глаз и морщины вокруг рта.

Я поставила недопитый кофе на крышку автомата, собираясь поделиться с матерью планом, как облегчить наши расходы на следующий учебный год, но пока подбирала правильные слова, чтобы не задеть ее «эго», она попросила:

— Зайди к нему, — мама робко улыбнулась и качнула подбородком на дальнюю палату у окна.

Протяжный вздох покинул легкие, смешавшись с гудением антибактериальных ламп над головой. Отец больше года находился в коме после подстроенной его же сотрудниками аварии. Мне тяжело давалось видеть любимого старика неподвижным, изнеможенным, в окружении мерзко пищущих мониторов и трубок.

За долгие годы кропотливой работы с финансовыми системами аграрных компаний Америки Майкл Коллинз сколотил целое состояние, однако успех в экономических делах имеет две стороны медали.

Безмерное богатство дарует власть, почтение в обществе и раскрепощенность в решениях, но отнимает сострадание окружающих, заменяя ее слепой завистью. Со временем даже лучшие друзья оборачиваются врагами, способными уничтожить доверие, позабыть доброту и предать ради банальной возможности насолить.

И вот — из счастливой семьи с виллами на побережье Калифорнии мы с мамой превратились в едва сводивших концы с концами женщин, снимающих

потрепанную квартирку с тараканами недалеко от больницы Santa-Sofi.

В одночасье нашу семью лишили всего, позавидовав неожиданному успеху компании MaStar. Прошлым летом отец возвращался с бизнес-встречи из Нью-Йорка и по замыслу убийц должен был погибнуть при лобовом столкновении двух джипов, но Райли, его личный водитель, успел увернуться и врезаться в опору моста. Храбрый парень скончался на месте, папа получил черепно-мозговую травму и впал в кому, а наемный зачинщик аварии скрылся, оставив нас без единой зацепки: камеры на мосту подчистили, свидетелей купили.

Но даже этого ненавистникам MaStar оказалось мало — завистники отца подделали документы компании и подали на него судебный иск. Именитые юристы от нас отвернулись, а в суде нашлись «свои люди», которые обыграли дело так, будто Майкл Коллинз обворовывал активы клиентов и передавал конфиденциальную информацию о финансовом положении их конкурентам.

В итоге признанный арбитражным судом ущерб от деятельности MaStar по отношению к другим компаниям составил миллионы долларов. Наши счета заблокировали, недвижимость изъяли, буквально выставив пинком под зад на улицу с чemoданом одежды.

Чтобы обеспечить дорогостоящее содержание папы в больнице и продлить мою учебу в Seattle University, мама устроилась санитаркой в местный пансионат, а позже взяла дополнительную подработку в библиотеке и смены на заправке. Первое время, собираясь на работу, она часто причитала, ведь в прошлом не утруждала себя ничем тяжелее поднятия

бокала вина на закате, но, несмотря на повернувшуюся к нам задницей жизнь, мама не сдавалась.

В перерывах между сменами она навещала отца, искала независимых адвокатов и помогала мне свыкнуться с новыми реалиями, раскрывшими лицемерие элиты Сиэтла.

Иногда я благодарила судьбу за насильственное выселение из «золотой клетки», иначе бы никогда не узнала, насколько ослепляют деньги.

Стоило лишиться «кошелька», и началась драма не хуже бродвейской: друзья отвернулись, Брэд со мной порвал, ускакав вприпрыжку к главной стерве университета, преподаватели больше не улыбались, не позволяли пропускать учебу без веских причин. Конечно, моя работа такой не являлась, и, даже зная нашу ситуацию, все равно задерживали после занятий, а в социальных сетях началась травля «неудачницы».

Сколько гнили скрыто за бриллиантами, уф-ф!

Наверное, это бы сломало какую-нибудь принцессу Афелию — мою кузину, чья семья, узнав, что мы банкроты, даже не пустила нас с матерью переночевать, чтобы не пятнать репутацию их идеального бизнеса родством с «преступниками», не то чтобы помочь папе с лечением.

Однако я — дочь своих непоколебимых родителей. Проревев месяц, отпустила произошедшее, решив, что сейчас главное — отыскать средства на лечение отца в клинике в Нью-Йорке, специализирующейся на травмах головного мозга. Поэтому уже полгода брала все ночные смены в кафе Zolly и стригла газоны бывшим соседям под их злорадствующие взгляды и причитания: «Какая красавица, и так низко пала». А на днях я наконец-то нашла

способ как продолжить учебу и сэкономить двадцать тысяч долларов.

— Мам, нужно поговорить, — выпалила я. Мы проходили мимо медицинского поста, где молодая рыжеволосая девушка в синем костюме перекладывала карточки больных.

— Я не сдамся! — мама развернулась так резко, что мой лоб едва не встретился с ее. — Не позволю им отключить Майкла. Я найду деньги, Ребекка обещала помочь с адвокатами, и когда мы вернем чистоту имени...

В горле встал обжигающий ком, точно я проглотила раскаленный уголь. Самым большим страхом мамы было лишиться обожаемого мужа, с которым она провела всю сознательную жизнь, поэтому она буквально зубами вырывала каждый цент на его лечение.

— Мам, я не об этом.

Мама с подозрением прищурилась и двинулась дальше, покачивая бедрами в черной атласной миди-юбке. Она всегда отличалась отменным вкусом, поэтому ей не составляло труда выглядеть как королева и в уцененных вещах из супермаркета.

Пришлось плестись за матерью и говорить на ходу:

— Возьми отложенные на мою учебу двадцать тысяч и заплати за содержание папы или первый этап суда.

— Нет, Лекса, ты не бросишь университет! Мы это уже обсуждали, остался последний год, — мама раздраженно сжала челюсть и, подойдя к широким дверям, толкнула их плечом, пропуская меня в душную палату.

Трусливо впорхнув внутрь, я специально оставилась на хрустальную вазу с подвявшими за сутки пио-